

М.П. Шепелева

Уголовная преступность в российской провинции на примере Курской губернии (1861–1917 гг.)

M.P. Shepeleva

Criminality in Russian Province on an Example of Kursk Province (1861–1917)

На примере типичного аграрного региона прослежены динамика численности, разновидности преступлений, половозрастной и социальный состав криминальных элементов со времени ликвидации крепостной зависимости до противоречивых последствий эпохи Первой мировой войны 1914–1917 гг.

Ключевые слова: российская провинция и Курская губерния, уголовная преступность, разновидность преступлений и динамика их совершения, характеристика состава преступления.

Начало в России модернизационного процесса, а также межцивилизационного перехода от аграрного общества к индустриальной цивилизации с развитием капитализации и либерализации экономических отношений опосредованно сказалось на состоянии преступности в стране.

Важнейшими причинами различных преступлений выступала постоянно действующая мотивация, начиная с экономической, в том числе определяемой урбанизацией, заканчивая культурной – низкой грамотностью народа и др.

Достаточно сослаться на количество преступлений в крупных городах и сельской местности. Так, в 1913 г. Петербургский окружной суд с крупнейшим городом страны осудил 106 преступников на 100 тыс. наличного населения, а Курский – с его контингентом преимущественно сельских жителей – лишь 22 чел. на 100 тыс. чел., т.е. почти в 5 раз меньше.

Дополнительные импульсы обуславливались факторами, имевшими временный характер: неурожаями, войнами и т.п. Например, в Курской губернии снижение урожайности в 1891–1892 гг. обернулось увеличением имущественных преступлений среди селян [1, л. 40].

В целом пореформенная эпоха характеризовалась медленным улучшением жизни жителей глубинки, увеличением их благосостояния, повышением грамотности и, соответственно, нравственности, что ослабляло криминогенную ситуацию. Сказался и массовый отход курян на отхожие промыслы в развитые регионы, где они пополняли ряды преступников, тем самым снижая удельный вес криминала в своей губернии. Поэтому не случайно количество судимых преступников из 15 уездов Курской губернии в 1861 г.

The dynamics of the criminal actions size and variety, sex-and-age and social structure of criminal elements have been studied considering the period from the abolition of serfdom up to contradictory results of the World War I (1914–1917) and taking agrarian region as an example.

Key words: Russian province and Kursk province, criminal criminality, variety of crimes, dynamics of committing crimes, description of criminals structure.

составило 820 чел., а за 1895 г. – всего 368, т.е. уменьшилось на 55,1% [2, л. 23, 107].

Уточненные сведения однородного характера были собраны Курским окружным судом по 13 уездам данного региона на 1882 и 1913 гг. В эти годы на указанной территории проживали соответственно 2,0 и 2,8 млн чел.

В результате абсолютная величина естественного прироста населения за 1882–1913 гг. составляла 800 тыс. чел., а относительная – 1,4 раза, или 40% роста.

В 1882 г. число осужденных Курским окружным судом равнялось 581 чел., что означает 29 чел. на 100 тыс. жителей. В 1913 г. осудили 601 чел., т.е. абсолютное их количество выросло на 3% (20 чел.), а относительно всего населения – 22 чел. на 100 тыс. – значительно уменьшилось: на 32%, или 7 чел. [3, с. 65].

Характерную структуру преступности рисуют данные по всей Курской губернии за 1895 г. (с двумя уездами, входившими в юрисдикцию Сумского окружного суда).

По-прежнему преобладали имущественные преступления – 44,3%. Второе место занимала преступность против личности – 31,0%. Значительно уступали нарушения благоустройства – 11,1%, служебные проступки – 10,9% и т.д. [1, л. 23].

Анализ справок о судимости от Курского окружного суда выявил наиболее тяжкие и типичные деяния: разбой – в корыстных, убийства – личностных целях и подлоги на службе [4, л. 2, 32, 66].

В 1895 г. почти 95% жителей Курской губернии принадлежали к крестьянству, тогда как среди участников «преступлений» их было лишь 78,0%. Низшие

слои города с бывшими солдатами дали 19% преступников.

Привилегированное дворянство – лишь 1,8%, представители купечества и почетные граждане – 1,3%. Причем закономерно по группе имущественного криминала крестьяне составили 70,7%, а дворяне – 1,4%.

Сопоставим половозрастной состав преступников в 1895 г.

Основной их контингент, как у мужчин, так и у женщин, относился к представителям возрастной группы 21–40 лет. Данный возраст является наиболее социально активным, поэтому здесь преобладают преступления против собственности, жизни, порядка управления.

Группа преступлений против собственности совершалась лицами среднего возраста от 21 года до 40 лет чаще, потому что преступления нужно было спланировать, выследить, когда хозяева уйдут из дома, и т.д.

Повышенную преступность мужского пола (88,7%) против женского (11,3%) связывают с выносливостью, ловкостью, силой и смелостью мужчин; в сочетании с такими антиобщественными наклонностями, как пьянство, разгульный образ жизни, все это способствовало совершению преступлений.

Сравним половую принадлежность среди ряда преступлений: против общественного благоустройства – 53,4% мужчин и 51,9% женщин, против собственности частных лиц – 32,0 и 22,8%. Особо отметим преступления против жизни и порядка управления, где мужчины с 31 года до 40 лет были особо активны – 39,3%.

Типичным преступником Курской губернии конца XIX – начала XX столетия являлся именно мужчина, в среднем 30-летнего возраста, крестьянского происхождения, занимающийся хлебопашеством, женатый, совершивший первичную кражу имущества односельчан.

Вообще кража делилась судом на простую и со взломом, чтобы совершить второй вид кражи, нужно было обладать определенной физической силой, какой не было у преступников моложе 17 и старше 60 лет. Например, в 1870 г. М.С. Малюков, 38 лет, крестьянин села Красный Клин Дмитриевского уезда Курской губернии, совершил кражу со взломом. А.С. Цуркина, 24 лет, жена крестьянина слободы Коломыйцевой Корочанского уезда, совершила простую кражу имущества.

В 1892 г. конно-полицейский урядник Новооскольского уезда составил протокол о том, что у крестьянки села Голубинка Е.В. Сумцовой украдено из погреба около четырех мешков картофеля стоимостью 4 руб. серебром. По подозрению в краже Сумцова указала на односельчан У. Пугачева, П. Романову (Назаренкову), Г. Стручкову, так как эти люди постоянно ходили в дом Екатерины Сумцовой и хорошо знали, где и что у нее

находится. У перечисленных крестьян в ходе предварительного дознания был обнаружен украденный картофель. Урядник постановил: картофель выдать под расписку Сумцовой, а воров предать суду Курского окружного суда [5, л. 2–3].

Возрастная группа 17–20 лет не являлась криминальной, за исключением отдельных случаев, поскольку лица данной возрастной группы еще не успевали обзавестись семьей, следовательно, на них не лежало бремя ее содержания, хотя осуждаемые относились к категории лиц, наиболее нуждающихся: сироты, незаконнорожденные, особенно лица женского пола. Преступления против жизни в возрастной группе от 21 года до 40 лет были связаны с семейно-бытовыми проблемами, так как организованной преступности в Курской губернии в пореформенный период практически не существовало. Так, в 1875 г. из-за неприязненных отношений крестьянин Никита Кучерявых убил свою жену. В ходе следствия супруг заявил, что 6 лет тому назад по принуждению отца он женился на Устинье, которую ненавидел и давно задумал лишить жизни [6, л. 61].

Еще одним распространенным преступлением, часто со смертельным исходом, являлись побои, влекущие за собой гибель потерпевшего. Примером указанного является дело крестьянина Петра Козлитина, обвиняемого в нанесении смертельных побоев и ран (1893 г.).

Проживая в с. Васильев Дол Новооскольского уезда, он заболел «горячкой», а спустя месяц после болезни сделался «странным», говорил бессвязные речи, убежал из жилья без надобности, после чего его родные стали привязывать его дома за ногу на цепь. Когда в хате не было других мужчин, а остались лишь жена и мать, он ударил последнюю металлической кружкой по голове, посчитав ее «ведьмой». Надежда Козлитина от полученных ран в голову через час скончалась. На основании ст. 95 Уложения о наказаниях Петр Козлитин был заключен в дом для сумасшедших [7, л. 2–3].

В 1895 г. преступления против порядка управления не совершались лицами моложе 17 лет и 17–20 лет, так как они не могли еще состоять на государственной или общественной службе и не несли государственных или общественных повинностей или обязанностей.

Для лиц свыше 50 лет половые влечения уже утрачивали свою первоначальную силу, поэтому преступления против личности, особенно вытекающие из семейно-бытовых отношений, отходили на второй план. Гораздо реже лица свыше 50 лет участвовали в преступлениях против собственности, в частности кражах. Их доля у мужчин составляла 6,9%, у женщин – 6,3%. Это объясняется определенной степенью достатка, характерной для лиц зрелого возраста, наличием работоспособности, а также способностью прокормить себя и свою семью.

Лица свыше 60 лет имели низкий процент в группе преступлений против жизни: у мужчин он составлял 2,1%, женщин – 2,9%; убийства в этой возрастной группе отмечались чрезвычайно редко. Преступления против собственности у них также были незначительны: у мужчин они равнялись 2,8%, женщин 12,5%, что можно объяснить тем, что женщины старше 60 лет становились вдовами, и как следствие, нуждались из-за неспособности добыть себе средства к существованию.

Анализируя сведения «о числе и роде преступлений в Курской губернии, по делам, производившимся в Курском и Сумском (уездах Рыльскому и Путивльскому) окружных судах за 1895 г.», нельзя не отметить, помимо возрастных особенностей, половую специфику совершенных преступлений.

Процентное соотношение женщин было ниже, чем у мужчин: 88,7% мужчин против 11,3% женщин, так как женщины совсем не участвовали в преступлениях как против порядка управления, так и по службе государственной и общественной, поскольку данные деяния были им не доступны, поскольку социальный статус женщин – лица, занимающиеся домашним хозяйством. В антиличностных преступлениях женщины принимали довольно активное участие, начиная от 21 года и заканчивая 50 годами. Здесь преобладающими являлись преступления, связанные с сокрытием трупа незаконнорожденного ребенка, убийством истязавших ее супруга и других близких родственников. Все это можно объяснить аномалиями, вытекающими из половой и семейной жизни женщины. В преступлениях против нравственности женщина играла видную роль, ее обвиняли в прелюбодеянии и кровосмешении.

Примером сокрытия трупа незаконнорожденного ребенка являлось дело 1892 г. о Прокофий Зубкове – свекре Ирины Зубковой. Последнюю обвинили в сокрытии трупа своего внебрачного ребенка. Ее соседки при купании близ хутора Гремячего нашли в воде завернутое в тряпки сгнившее тело младенца. Оказалось, что Зубкова была беременна, накануне праздника Пасхи родила. На основании свидетельских показаний было выявлено, что ребенок был ею нажит от ее свекра Прокофия Зубкова, у которого в то время умерла жена, а муж Ирины не жил дома пять лет, появился он за 3 дня перед тем, как был найден труп ребенка. Когда об этом узнали односельчане, Ирина

Зубкова вместе со своим мужем ушли в неизвестном направлении [8, л. 2–3].

Обвинение в прелюбодеянии содержит дело 1877 г. Курского окружного суда о двух крестьянах: холостом Иване Комаривцеве 25 лет и незамужней Марье Дорофеевой 20 лет, уличенных в «незаконном сожитии», в результате которого у Марии родилась дочь. Иван обещал содержать ребенка, признавая факт его рождения. Женщина объясняла их связь обещанием Комаривцева жениться на ней, но после смерти ребенка тот женился на другой [9, л. 3].

В делах об изнасиловании и растлении женщина является потерпевшей, а не виновницей, хотя существовали и случаи пособничества. К примеру, крестьянка Х. Васильченкова заявила становому приставу и подтвердила на предварительном следствии, что 2 сентября 1878 г. вечером в слободе Велико-Михайловка Новооскольского уезда дочь ее Ефросинья 16-ти лет была изнасилована крестьянами Акимом Серженко, Николаем Миниченко, Павлом Носуленко [10, л. 30, 34].

Преступления против собственности частных лиц у женщин в возрасте от 21 года до 30 лет немногим уступали преступлениям у мужчин: 22,8 и 35,1% соответственно.

Это можно объяснить тем, что зачастую женщины являлись пособницами деяний мужчин. Кроме того, женщина не могла участвовать в тех преступлениях, которые требовали для своего исполнения значительной физической силы (грабеж, разбой). Привязанность женщины к домашнему очагу, семье оказывали благоприятное воздействие и препятствовали развитию женской преступности.

В Курской губернии из-за массовых мобилизаций мужчин 18–43 лет в вооруженные силы преступность вначале быстро сократилась, а к 1917 г. постепенно стала увеличиваться, поскольку «во многих деревнях и селениях худший элемент мужского населения, лишенный в судебном порядке за ранее совершенные преступления права на поступление в армию, пользовался возможностью проводить свою жизнь в тунеядстве и вместе с тем продолжал терроризировать различными хулиганскими выходками мирное население, чем деморализующее влиял на подрастающую молодежь» [11, л. 2].

Библиографический список

1. Обзор Курской губернии за 1895 год. – Курск, 1896.
2. Статистические сведения за 1861 год. – Курск, 1862.
3. Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России : сб. науч. ст. – Вып. 2. – Курск, 2005.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 520.
5. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 3660.
6. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 1145.
7. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 3853.
8. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 3650.
9. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 2049.
10. ГАКО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 1451.
11. ГАКО. – Ф. Р-322. – Оп. 1. – Д. 2.